

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА

АССЕРЦИЯ
И НЕГАЦИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА

АССЕРЦИЯ И НЕГАЦИЯ

Ответственный редактор
член-корреспондент РАН *Н. Д. Арутюнова*

«ИНДРИК»

Москва 2009

УДК 81
ББК 81
Л 69

Издание осуществлено
при поддержке Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 08-04-16113д)

Редакционная коллегия:

кандидат филол. наук *М. Л. Ковшова*,
кандидат филол. наук *Н. Ф. Спиридонова*,
А. А. Стригина

Логический анализ языка. Ассерция и негация / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. — М.: Издательство «Индрик», 2009. — 560 с.

ISBN 978-5-91674-036-3

В книге рассматривается широкий круг проблем, связанных с утверждением и отрицанием, ассерцией и негацией.

Это, прежде всего, проблемы, касающиеся *грамматического* строя языка, то есть структура утвердительных и отрицательных высказываний, их морфологических, синтаксических и просодических характеристик, в частности, взаимодействие ассерции и негации с категорией модальности и истинностным значением высказывания.

Большое внимание обращено также на *лексические* средства выражения истинностного значения предложения.

В ряде статей описываются *прагматические* условия использования ассерции и негации, положение этих категорий в разных видах устной и письменной речи, а также в художественном дискурсе (в поэзии Н. Гумилева, Вяч. Иванова, Б. Пастернака, В. Набокова).

В ряде статей рассматривается роль ассерции и негации в религиозных текстах, законоуложениях и правилах поведения: заповедях, запретах, этических нормах, пословицах, пародиях и других видах дискурса.

Категории ассерции и негации описываются как в синхронном аспекте, так и в исторической перспективе их развития.

Анализ категорий ассерции и негации выполнен авторами на материале разных языков – индоевропейских и «экзотических» (селькупского, эвенкийского, тайского, водского).

Авторы статей формируют и формулируют свои точки зрения на фоне широкого спектра философских и филологических концепций и воззрений.

© Текст. Коллектив авторов, 2009

ISBN 978-5-91674-036-3

© Оформление. Издательство «Индрик», 2009

Н. Д. АРУТЮНОВА

КОММУНИКАТИВНАЯ РЕАКЦИЯ
НА ИСТИННОСТНОЕ ЗНАЧЕНИЕ
ВЫСКАЗЫВАНИЯ ДРУГОГО

Друг мой, я всю жизнь мою лгал. Даже когда говорил правду. Я никогда не говорил для истины, а только для себя... Я, может, лгу и теперь. Главное в том, что я сам себе верю, когда лгу. Всего труднее в жизни жить и не лгать и собственной лжи не верить...

(Достоевский, т.10, с. 497)

Обращаясь к читателям в «Зимних заметках о летних впечатлениях», Ф. М. Достоевский пишет: «Вы знаете тоже, наверно, что если я и навру, то навру, будучи убежден, что не вру... Ну так и дайте мне свободу» (*Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений в 30 т. Л., 1972–1990, т. 5, с. 68). В эпиграфе мы привели слова одного из персонажей Достоевского (Верховенского-старшего), выражающие мысль о том, что в реальной коммуникации, в мыслях человека и в создаваемых им текстах (в том числе и публицистических) превалируют высказывания, лишённые определенной истинностной оценки, неverifiedированные и неverifiedируемые, даже тогда, когда речь идет о непосредственных впечатлениях говорящего. Авторы настоящего сборника *верят* в истинность излагаемых ими взглядов. Вместе с тем они не исключают, что их мнения и концепции вызовут критику коллег. Они будут рады критике. Ведь именно возражения, критические замечания, исправления, уточнения и отрицательные оценки истинности суждений стимулируют развитие и углубление научных концепций, влекут к истине. Они также ориентируют человека в практической жизни, понимании других людей и интерпретации событий и процессов, в которые вовлечен человек.

И та и другая жизненная позиция располагает к отрицанию и повышает статус отрицания в языке. Это можно показать, в частности, на примере текстов Достоевского, писавшего в остроподемический период русской жизни и участвовавшего в журнальной публицистике (см. его «Дневник писателя»).

Так, в «Статистическом словаре языка Достоевского» (М., 2003) зафиксировано **3215** употреблений отрицания *нет* (из них 2615 в художественных текстах) и **2223** случаев употребления *нет* в функции предиката в оппозиции к *есть*. К этому можно добавить около 200 употреблений вариантов отрицательной формы (*нет-с, нету, нетути* и др.), то есть в общей сложности насчитывается более пяти с половиной тысяч случаев употребления отрицания *нет*. Расчет сделан по корпусу в 2889 тыс. графических слов. Отрицание *нет* располагает разными синтаксическими вариантами употребления. Оно используется в ответе на вопрос собеседника, а также в функции внутренней поправки в речи говорящего: *...Тому прошло уж десять лет... нет, больше — 12 лет* (Пушкин). С *нет* начинаются экспрессивные возражения себе или общепринятому мнению: *Нет, я не дорожу мятежным наслаждением, Восторгом чувственным, безумством, исступленьем...; Нет — легче мне сражаться с Годуновым, Или хитрить с придворным езуитом, Чем с женщиной: черт с ними, мочи нет; Не дай мне Бог сойти с ума. Нет, лучше посох и сума... Нет-начальное, как показывают приведенные пушкинские строки, характерно не только для споров и диалогов, но и для поэзии. Утвердительная частица *да* употребляется почти в два раза реже, чем *нет*.*

Отрицание *не* встречается в текстах Достоевского тоже весьма обильно — 67 165 раз. В среднем на каждую страницу текста Достоевского приходится около 20 разных видов отрицания. Таким образом, роль отрицания в художественном и диалогическом тексте (не говоря уже о разных видах полемического дискурса) оказывается весьма весомой.

Это отражается на состоянии языка, в котором синтаксис и лексикон слов, включающих в себя компонент отрицания, чрезвычайно богат и разнообразен. Фальсифицируются практически все аспекты и составляющие мироздания и человека — реального и идеального: события, сообщения, суждения, теории, внутренний мир себя и Другого. Но возможна и инверсия отношений истины и лжи, когда очевидная ложь скрывает истину. Так, юмористические произведения, поэзия и художественная литература разработали весьма тонкую технику обращения лжи (неправдоподобного, невозможного, ирреального, фантастического) в истину. Искусство в той или иной степени манипулирует взаимоо-

братимостью истины и лжи, созданием художественных фигур и тропов, основанных на воображении и игре. Эту двойственность поэтического текста понимают как адресаты, так и сами поэты. Приведем несколько пушкинских цитат: «Сказка — ложь, да в ней намек, Добрым молодцам урок»; «В детях, одаренных игривостью ума, склонность ко лжи не мешает искренности и прямотушию»; «Все призрак, ложь и сон. И мудрость и народ и слава; Что ж истинно? Одна забава». А вот пример из «Неточки Незвановой», имя которой (*Анна*) в уменьшительной форме, по-видимому, не случайно присоединило к себе отрицание, совпав с началом фамилии. Неточка говорит о своем впечатлении от сказки: «Это была первая сказка, которую мне пришлось слышать... Я сидела, как зачарованная... Не то, чтобы она так действовала на меня, — нет, но я все брала в ней за истину, тут же давала волю своей богатой фантазии и тотчас же смешивала с вымыслом действительность» (Достоевский, т. 2, 165). Так в жизни шкала ценностей не распределена точно и однозначно между действительностью и фантазией, между реальным и ирреальным. Язык пользуется большим репертуаром приемов, позволяющих говорить о сущем словами, несущими в себе не-сущее.

Язык располагает богатым лексиконом слов, значение которых выражает категории «не-сущего». Приведем фрагмент лексикона не-истины: *слухи, сплетни, враки, ерунда, чепуха, дичь, нелепость, выдумка, бред, фикция, фальшь, вымысел, отсебятина, воображение, фантазия, грезы, мечты, галлюцинация, иллюзия, мираж, фантазмогория, ересь, небыллица, вздор, лесть, комплимент, клевета, видение, белиберда, абракадабра, ахиня* (от *Афины*). Существует много объяснений происхождения этого последнего слова. Оно подробно описано В. В. Виноградовым в его книге «История слов» (М., 1994, с. 41–54). К этой, далеко не полной группе примыкают глаголы (*оболгать, надуть, обмануть, провести, обдурить* и пр.), а также слова с префиксами *лже-* (*лжеученый, Лжедимитрий, лжесвидетель, лжеспророк*), *псевдо-* (*псевдоним, псевдоклассицизм*), *квази-* (*квазиспециалист, квазиталант*).

Мы привели примеры, в которых выражение неистинности не пользуется отрицательными частицами *нет, не, ни, ни-ни*. Многие из них проанализированы и распределены по классам Ю. Д. Апресяном в «Словаре синонимов» (см. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М., 2004) в статье «неправда — ложь — вранье». Отметим, что в русском языке лексическое поле «вранья» весьма обширно. Слова этого поля имеют колеблющееся значение между «болтовней», «ложью» и «фантазией». Приведем пример, демонстрирующий это колебание. Один из персонажей Достоевского говорит: *Я люблю, когда врут*.

Вранье есть единственная человеческая привилегия перед другими организациями. *Соврешь* — до правды дойдешь! Потому я и человек, что *вру*. Ни до одной правды не добирались, *не соврав* наперед раз четырнадцать, а то и сто четырнадцать, ...а мы-то и *соврать* своим умом не умеем! Ты мне *ври*, да *ври по-своему*. *Соврать по-своему*, ведь это почти лучше, чем *соврать по одному по-чужому*, в первом случае ты — человек, а во втором ты только что птица (Достоевский, т. 6, с. 155). Колебания между этими значениями заслуживают внимания лексикографа, предлагающего им не всегда достаточно точную интерпретацию.

Теперь вернемся к собственно отрицанию. Итак, отрицание передается в русском языке знаками негации: *нет, не, ни и ни-ни*. *Нет*, как известно, является слиянием отрицания *не* с 3-м л. ед. ч. наст. вр. глагола *быть* (*не есть*) и является эквивалентом пропозиции, которая ему предшествует в вопросе и может эксплицироваться в ответе: — Ты пойдешь сегодня в театр? — *Нет*. (*Нет, не пойду*).

Другое значение *нет* (*не было, не будет*) бытийно-безличное, в котором семантика «бытия» сближается с семантикой «имения», то есть обладания: у меня *нет* (*не было, не будет*) денег. В наст. времени *нет*, как упоминалось, включает в себя *есть* (*нет = не есть*).

Напомним, что в средневековом языке *нет* имело также субстантивное значение: *Пирог с нетом; До самого нета все было есть*. В старом языке и в говорах *нет* образовывало обширную группу производных разных частей речи: *нету, нетуть, нетути, нетчик, нетчица* (отсутствующий, -ая), *неткать(ся)* (отказываться) и др. В сочетании с местоимениями и наречиями *нет* утрачивает конечный звук, но компенсирует потерю ударением: *не́кто, не́когда, не́чем, не́где и пр.* Положение *нет* в истории русского языка и в его диалектах хорошо описано, в частности, в Словаре В. Даля.

Не меньший интерес представляет семантически плодотворная в русском языке частица *не*, употребляющаяся как для образования отрицательных предложений, то есть при предикате, так и входя в состав многочисленной серии слов, в которых она часто утрачивает негативность.

В Словаре В. Даля (см. его «Толковый словарь живого великорусского языка», т. 2, 1979, с. 502–542) зафиксировано более 900 статей, объединяющих слова — литературные, просторечные и диалектальные, начинающиеся с частицы *не-*. Тем самым, если учесть входящие в каждую статью производные, общее число *не-*слов существенно увеличится. Так, статья *негодный* содержит около 20 производных от основы *негод-*, *негож-*: *негодяй, негодник, негодь, негодовать, негожий, негожество, негодня, негодница* и др.

Среди *не*-слов выделяются отдельные группы, в которых *не*-соединяется с определенными префиксами. По данным «Словаря» Ушакова с *недо*- начинается 135 слов, обозначающих неопределенность: *недоросль, недолет, недокорм, недомолвка, недоразумение, недосуг, недотрога* и т. п.; с *непо*- — более 50 производных: *непослушный, непоседливый, непогрешимый, неповоротливый, непокаянный, непотребный, неполадка* и т. п.

Отрицание, таким образом, часто стремится перейти из синтаксиса в лексику. Оно как бы «перепрыгивает» через связку и примыкает к предикативу. Отрицательная частица становится префиксом. Ср. *Он не глуп. Он не был глуп. Он был неглуп*. Переход в семантику интенсифицирует отрицание: Тот, кто *неглуп, умнее* того, кто *не глуп*. Отрицательный префикс образует обширное лексическое поле признаков и субстантивных слов, в которых он может перетягивать на себя акцент (*неуч, недруг*). Негатив переходит в аффирматив, отрицание — в утверждение. Частица *не* создает новый признак: ср. *Он не (был) высок ростом. — Он (был) невысок ростом*.

Отрицание, естественно, входит в пару со своим оппозитом, то есть с утверждением, выражаемым частицей *да*. *Да*, так же как *нет*, имеет значение эквивалентное суждению (пропозиции): — *Ты будешь сегодня вечером дома? — Да. (Да, буду; Да, я буду сегодня вечером дома)*.

Если *да — нет* образуют оппозитивную пару, то их лексикализованные эквиваленты — *истина* и *ложь* не являются, строго говоря, полными антонимами. Истина абсолютна и не имеет лексических вариантов. Слово *истина* не создает производных, не соотносится с однокоренным глаголом (**истинить*). *Истина* входит, прежде всего, в интеллектуальную, научную речь, а также в язык философии и богословия. В текстах Достоевского зафиксирован всего 291 пример употребления этого слова, в то время как *правда* встречается 1370 раз и, кроме того, 626 раз в функции вводного слова. Дважды эти слова сблизилась в форме *правда-истина*. «Истина» принимает малое участие в повседневной коммуникации, она как бы не имеет своей прямой целью воздействие на адресата. Между тем ее оппозит *ложь* живет в контексте коммуникации, образует гнездо производных слов (*лгать, лжец, лганье, лгун, лживец, лживица, лживый* и др.). *Лжец* и *лгун* весьма употребительны в речи; тогда как **истинец* ни в каком стиле не находит себе места.

Ложь-фантазия может украшать речь. Не случайно говорят: «Красно поле рожью, а речь — ложью». В обиходной речи, ориентированной на сообщение фактической информации о внешнем и внутреннем мире человека и межличностных отношениях, *ложь* не допускается и слова «гнезда лжи» имеют негативные оценочные коннотации. Они входят в

лексикон этики: во лжи *обвиняют* и *упрекают*, ложь *запрещают* и *не прощают*, за ложь *наказывают*. Ложь сознательна и ориентирована на определенную цель. К «неправде» и «вранью» относятся более снисходительно. Переход от реплики *Неправда!* к обвинительным репликам *Лжешь! Не лги! Не смей лгать!* присоединяет к истинностной оценке высказывания негативную оценку речевого поведения говорящего. Ложь, имеющая своей целью обвинение человека, становится *клеветой*. Приведем отрывок из разговора Дуни со Свидригайловым, демонстрирующий один из приемов оправдания лжи и способ его отвода: — *Ты жену отравил, я знаю, ты сам убийца!* — *Даже если бы это была и правда, так из-за тебя же все таки — Лжешь! Я тебя ненавидела всегда... Лжешь, клеветник!* — *Лгу? Ну пожалуй и лгу, Солгал* (Достоевский).

Прилагательное ложный не имеет столь ярко выраженных отрицательных коннотаций. Оно указывает на ошибочность суждения или отрицание определенной концепции.

В отличие от *истины* и *лжи*, *правда* — *неправда* образует пару, в которой на первый план выступают нравственные коннотации: *правда* вызывает ассоциацию с совестью, нравственным законом. С другой стороны, *правда* и *неправда* активно вошли в круг речевого общения: *правда* и *неправда* широко используются в качестве разговорных (диалогических) реплик, подтверждающих или отрицающих слова собеседника. В. Даль в статье «неправда» следующим образом характеризует семантическое развитие этого концепта: слова *правда* — *неправда* «были искажены в значении своем почти на нашей памяти, сделавшись однословами со словами *истина* — *ложь*. Коренное же значение слов *правда* и *неправда* изменено не совсем удачно выражениями *справедливость* — *несправедливость*, *правосудие* — *неправосудие*. Но *истина* относится только до понятий умственных, а *правда* — до качеств нравственных, почему и первое уложение наше, законы правосудия, называлось *Русскою правдою*. Народ остался верен прямому значению слова. Для него «*неправда* — всякая незаконность, дело, противное совести, обида, притеснение, кривосуд, неправый приговор, решение, ложь на деле, криводушие, недобросовестность, кривда» (т. 2, с. 529–530). При переходе слов *правда* — *неправда* из сферы духовного мира в политику и повседневный диалог, их нравственный ореол пошел на убыль (ср. фамилию отрицательного персонажа Достоевского *Правдолюбов*). **Правда** «размножилась», **истина** сохранила глобальность.

Е. М. ВЕРЕЩАГИН

АПОФАТИЧЕСКОЕ БОГОСЛОВИЕ
SUB SPECIAE GLOTTOLOGIAE

Апофатическое, или отрицательное, богословие (*ἀποφατικὴ θεολογία*, *theologia negativa*)¹, элементы которого имеются уже в Ветхом Завете, а также и в трактатах Платона, достигло вершины своего развития у греческих отцов Церкви². Его приверженцы не являются агностиками, поскольку, признавая трансцендентность божества, они все же держатся установки на (пусть и особую) познаваемость Нумена³. Бог *неизречен* (*ἄρρητος*)⁴, т. е. превосходит всё, что может быть поиме-

Исследование выполнено по исследовательским проектам 2006 г.: «Церковнославянское и синодального перевода русское Евангелие как самостоятельная духовная линия в мировой истории и культуре» (финансируется в рамках программы Отделения ИФН РАН «Русская культура в мировой истории») и «Филологическая история создания древнейшей версии славянского Евангелия и ее уроки для нашего времени» (финансируется РГНФ).

¹ Термин образован от греч. *ἀποφατικός* «отрицательный» (от *ἀπόφραμι* «отрицать, отвергать»). Апофатическое богословие противопоставляется *катафатическому* (от *καταφατικός* «утвердительный»). Оба атрибута применены к богословию уже Дионисием (Псевдо-)Ареопагитом.

² В наиболее развитом виде апофатическое богословие представлено в сочинениях того автора (предположительно начала V в.), который укрылся под именем Дионисия Ареопагита, а также комментатора этих творений Максима Исповедника (VII в.). Корпус сочинений того и другого на греч. и рус. языках см.: [Дионисий 2003]. Традицию апофатического богословствования в дальнейшем продолжил Иоанн Дамаскин; см.: [Иоанн 2002; Творения 1997].

³ О концепте Нумена (условный перевод: «божественность, величие, могущество, сверхъестественность»), восходящем к учению Р. Отто и более емком, чем концепт божества, а также о предпочтительности использования именно этого термина в научном дискурсе см.: [Верещагин, Костомаров 2005: 556–558].

⁴ Термин имеет новозаветное происхождение; о восхищенном в рай человеке в одном из Павловых посланий (2 Кор 12: 4) сказано, что он (восхищенный

новано из его атрибутов и предикативно о нем высказано, но Бог не непознаваем. К тому же апофатическое богословие признает ценность положительных (утвердительных) атрибутов и предикатов (в частности, во-первых, [данных в откровении] имен Нумена и, во-вторых, наивысших дефиниций, как присутствующих в Свщ. Писании, так и выявляемых путем исследования его творений⁵).

Гносеологические особенности этого патристического богословствования проистекают из того, что Нумену приписываются только предикаты с отрицательными частицами οὐ(κ) или μή (и в сочетании μή οὐ) и атрибуты с приставкой ἄ-, но ничего определенного не высказывается ни о его сущностных, ни о пространственно-временных, ни о причинных (и прочих) характеристиках. На темы апофатического богословия писали и пишут охотно и много⁶. Можно сослаться на целый ряд проницательных исследований и обобщающих публикаций. Все они вышли из-под пера богословов или философов.

Между тем, апофатическое богословие покоится не только на чистой мыслительной спекуляции, но и на познавательных потенциях греч. языка, причем не только языка терминологического, но и обиходного. Это означает, что необходимо рассматривать апофатическую терминологию также и *sub speciae glottologiae* — иначе говоря, с привлечением лингвистического инструментария. Лингвист (не чуждающийся логики) действительно способен внести свой собственный, неповторимый вклад в выяснение, какие смыслы постигаются и выражаются посредством отрицания, — ведь отрицание как феномен противоречиво и не однозначно, а все формы отрицания имеют языковой генезис и статус.

Конечно, серьезные мыслители как правило внимательны к точности своего изложения. Они обычно сознают как возможности, так и границы языка как основы научного дискурса. Они прилагают усилия, чтобы поставить язык себе на службу. Об этом свидетельствует, в

человек) «слышал неизреченные слова (ἄρρητα ῥήματα)». О патристической семантике лексемы ἄρρητος см.: [Lampe]. В англ. языке, в отличие от русского, нет точного соответствия патристическому концепту, и в словаре [Lampe] дается многословное его описание: *unspoken* «несказанный», *unintelligible* «непостигаемый», *inaudible* «неслышимый», *indescribable* «неописуемый», *immense* «неохватный», *ineffable* «невыразимый (словами)», *that cannot be spoken* «непризносимый» и др.

⁵ О возможности такого познания имеется новозаветное свидетельство: «Ибо невидимое (ἀόρατα) Его (т. е. Бога), вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы (καθ' ὅρατα)» (Рим 1: 20).

⁶ В любой богословской энциклопедии имеется соответствующая статья. По нашей оценке, хорошие справки можно почерпнуть из фундаментальных книг: [Cross; Komonchak; Православная энциклопедия].

частности, развитая и весьма нюансированная апофатическая терминология. И тем не менее если богослов или философ систематически призывает вслушиваться в язык и, даже изобретая свои слова, предлагает еο ἰρσο аргументацию «от языка» (т. е. от общеупотребительного языка), он сам оказывается в подчинении языку.

Так или иначе, экспертиза лингвиста в сфере богословия, и прежде всего апофатического, может оказаться нелишней.

*

Открытие конференции «Ассерция и негация» (28 мая) пришлось на День Святаго Духа, на второй день двенадцатого праздника Святой Троицы. Особенность троицкого богослужения состоит, в частности, в том, что по завершении литургии сразу же совершается вечерня, и на ней положены особые, т. н. коленопреклонные, молитвы⁷, имеющие весьма насыщенное богословское содержание. Ниже мы выписали начало Первой коленопреклонной молитвы⁸, начинающейся с мощного апофатического аккорда. Отрицательные термины имеются только в строках (1–4), поэтому для заключительных строк (5–7) греч. оригинал не выписан.

(1)	Ἄχραντε,	ἀμίαντε,	ἄναρχη,	
	Пречистѣ,	неисквѣрне,	безначальне,	
	Пречистый,	неоскверненный,	безначальный,	
(2)	ἀόρατε,	ἀκατάληπτε,	ἀνεξιχνίαστε,	
	невидимѣ,	непостижимѣ,	неизслѣдимѣ,	
	невидимый,	непостижимый,	неисследимый,	
(3)	ἀναλλοίωτε,	ἀνυπέρβλητε,	ἀμέτρητε,	ἀνεξίκακε Κύριε,
	непремѣнне,	неповѣдимѣ,	неизчѣтне,	незлобивѣ гдѣ,
	неизменный,	непревосходимый,	неисчислимый,	незлобивый Господи,
(4)	ὁ μόνος ἔχων	ἀθανασίαν,	φῶς οἰκῶν ἀπρόσιτον,	
	ѣдинѣ имѣѣй	безсмертїе,	ко свѣтѣ живѣй непрїступнѣ:	
	один	имеющий бессмертие,	живущий в непреступном свете,	

⁷ Их всего 7, но при чтении они объединены в 3 группы.

⁸ Названная методика применима к текстам, перевод которых осуществлен по пословному принципу. Полилинейность состоит в том, что две, три, четыре строки (и более) издатель согласует между собой и размещает одну под другой. Спятичность («пространственность», от spatium) состоит в том, что соотносимые фрагменты текстов (в данном случае — лексемы) размещаются строго один под/над другим. Эта методика позволяет исследователю непосредственно видеть, какие фрагменты могут быть причислены к переводческим эквивалентам, а какие представляют собой разного рода модификации.

- (5) сотвори́вый нѣбо и́ зѣмлю, и́ море, и́ всѣ созданныа на нѣхъ,
сотворивший небо, землю, море и все созданное в них,
(6) прѣжде ѣже просити, кѣмъ прошѣніа подвѣлѣи,
подающий всем просимое прежде прошения,
(7) тебѣ моли́ма...
Тебе молимся...

В начале текста, прежде чем начались молебные прошения, следует целая череда (а именно: 14⁹) окличек Нумена¹⁰.

Обычно когда к кому-либо обращаются (почему-либо не прибегая к имени собственному), то используется номинация по некоему признаку, который адресант считает отличительным для окликаемого лица¹¹. «Богородице Дево, радуйся!» — это значит, что адресант признает, в отличие от еретиков, что Родившая в вертепе сына и положившая его в ясли — родила Бога (а не обычного человека) и что при этом она, вопреки человеческому естеству, навсегда осталась Девой¹². И множество других молитвословных обращений к Деве Марии — например,

⁹ Считаем по предикациям.

¹⁰ Соответственно как в греческой, так и в славянской версиях текста использован вокатив. В русской версии коленопреклонной молитвы вокатива, естественно, нет. Скажем о другом: обращает на себя внимание, что почти вся славянская лексика (за двумя исключениями) перекочевала в текст на русском языке. Такова, надо сказать, сущностная черта русского богословского языка: его номинативный запас в XIX в. почти полностью состоял из (временами немного измененных) славянизмов, а в языке XX и XXI вв. славянизмы, не господствуя больше безраздельно, все же продолжают превалировать. (Снижение их удельного веса объясняется тем, что появилось немало терминов под влиянием западной теологии, а они обычно формируются вне привязки к славянизмам.)

¹¹ Затем кличка может закрепиться и вторым именем собственным (и даже вытеснить первое).

¹² Эта апория («невозможное» сочетание девства с рождением сына) прекрасно выражена в Богородичном акафисте, приписываемом Роману Сладкопевцу или Константинопольскому патр. Сергию: *Ῥήτορας πολυφθόγγους ... ἀποροῦσι γὰρ λέγειν τὸ πῶς καὶ παρθένος μένεις καὶ τεχεῖν ἰσχύσας* («Ветия многовещанная ... недоумевают бо глаголати, еже како и дева пребываеши, и родити возмогла еси»). Идея приснодевства в точной и афористической форме выражена в Гомилии на Благовещение, принадлежность которой Иоанну Дамаскину весьма вероятна, но до конца не установлена: *...μόνη ἐν παρθένοις Παρθένος, ἥ καὶ πρὸ τοῦ τόκου, καὶ ἐν τόκῳ, καὶ μετὰ τόκον παρθένος διαμείνασα* («...единая в девах Дева, и до рождения, и в рождении, и по рождении девой пребывавшая») [PG, 96, 656B]. Нередко воспроизводится лат. версия чеканной формулировки: *ante partum, et in partu, et post partum (virgo permansisti)*.

в тропарях и кондаках¹³ — сводятся или к подчеркиванию, или к приписыванию ей некоторых положительных качеств.

Оклички Нумена в начале коленопреклонной молитвы — совсем другого рода. Строки (1–3) состоят из отрицательных номинаций — отрицательных в том смысле, что все лексемы (за исключением первой) начинаются с приставок — в греческом: ἀ- и в славянском: не- или неъ-, которые выражают отрицание (ἀπόφασις, negatio). В логических категориях отрицание описывается как отключение, отрыв предиката от субъекта или следствия от причины (и т. д.), а в данном случае перед нами отделение качества от субстанции.

Обернув тезис Спинозы, мы, конечно, помним, что *omnis negatio est determinatio*, но все-таки что именно утверждает адресант, когда он, согласно окличке, говорит, например, что Бог — *невидим*? Здесь, как представляется, возможны два ответа.

Первый ответ представляет собой (может быть, наивное) приложение житейского опыта к философствованию.

Если некоторая вещь (= Ding)¹⁴ *невидима*, недоступна зрительному восприятию, то может быть, что она *слышима*, т. е. доступна слуховому восприятию? Грома никогда не видели, но слышали неоднократно. Может быть, далее, невидимая и неслышимая вещь доступна осязанию? Никто не видел и не слышал теплоты, но всякий, пощупав, скажет, теплая вода или нет. Человек обладает еще двумя органами чувств, способными воспринимать материальные вещи (обонянием и вкусом).

Иначе говоря, отрицание одного качества вещи ведет к неопределенности, поскольку другие качества той же вещи могут отнюдь не отрицаться,

¹³ Ср.: *Мати Бога Вышняго, Всепетая Мати, Преблагословенная Дево, Богородительнице Чистая, Заступнице усердная, Боголюбивая Царице, христианская Надеждо, Владычице Богородице, благая Помощнице, непрестанная за нас Молитвеннице, Всех скорбящих Радосте, Похвало наша приснопокланяемая* и т. д. без конца.

¹⁴ Вещь (χρῆμα, ens, Ding, thing, chose) — это обобщающий термин для того, что может быть названо предметом или явлением окружающего мира (= ens reale). Но вещь — это и то, чего в окружающем мире нет, хотя соответствующую сущность можно себе помыслить (= ens imaginarium). Категория вещи — это продукт философской мысли, и при терминировании обиходного слова *вещь* имел место серьезный разрыв с обиходной семантикой. «Alles, was möglich ist, es mag wirklich sein oder nicht, nennen wir ein Ding» («Все, что возможно, будь оно представлено в действительности или нет, мы называем *вещью*» [Chr. Wolf]; цит. по: [Kirchner's Wörterbuch 1911: 205]). В богословии имеет место и дальнейший отход от действительности: *вещью* здесь называют и то, что невозможно себе представить, и то, что не допускает (непротиворечивой) дефиниции (= ens incogitabile).

а путем противопоставления как раз утверждаться, хотя, однако, неизвестно, какие именно. При этом речь может идти только о равноположенных качествах, т. е. качествах, составляющих определенный класс. Так, в классе восприятий органами чувств всего пять элементов — видимость, слышимость, осязаемость, обоняемость и вкусность. Скажем еще раз: если отрицается видимость вещи, то четыре других качества класса, в который видимость входит пятым членом, строго говоря, совсем не отрицаются.

Отрицание, о котором сейчас говорим, не распространяется на качества той же самой вещи из другого класса. Если о вещи сказано, что она невидима, то допустимо заключить, что она слышима или осязаема, но ничего нельзя сказать, какими качествами она обладает, скажем, в аспектах интенсивности, или распространенности, или объема, или происхождения, или познаваемости, или исчислимости, или изменчивости, или цвета, или прочности и т. д.

Таков вид *внутрикатегорийного* отрицания.

Второй ответ учитывает не многокачественность определенной вещи, а внимание адресанта к *посессивному* аспекту. Адресант высказывается по поводу того, обладает некоторая вещь определенным качеством или не обладает.

Так, предположим, что некоторая вещь описывается с точки зрения ее изменчивости. Если сказано, что она *неизменчива*, это означает только одно: она *стабильна*. Если же сказано, что она *изменчива*, то она *нестабильна*. Поскольку класс обладания состоит всего из двух членов («да» и «нет»), отрицание первого члена ведет к утверждению второго, и наоборот. При этом, конечно, в языковом узусе совсем не всегда появляется формально выраженное отрицание: можно сказать *неизменен*, а можно сказать (без отрицательной частицы) *постоянен*; синонимами являются также *нестабилен* и *переменчив*.

Поскольку обладание или «есть» и его «нет», вид посессивного отрицания бинарно-контрарен: нельзя одновременно утверждать и присутствие и отсутствие некоего качества. Тем не менее само бытие этого качества как такового не подвергается сомнению.

Пусть данный вид отрицания, явно отличный от внутрикатегориального, и называется, как уже упомянуто, *посессивным*.

В отличие от *ἀόρατος* «невидимый», все другие атрибуты строк (1–3) коленопреклонной молитвы (за исключением, вероятно, *ἀνεξίκακος* «терпеливый, смиренный, сносливый») содержат именно посессивное отрицание.

Так, *ἀκατάληπτος*, *ἀνεξιχνίαστος* и *ἀμέτρητος* перечисляют (синонимичные) качества *постижимости* вещи, ее *доступности исследования*

нию и исчислимости (в смысле возможности создания списка характеристик), и всеми этими качествами Нумен не обладает.

Если Нумен назван *ἀναρχος* и *ἀναλλοίωτος*, то это означает, что он не обладает качествами (пространственного и временного) *начала и конца*¹⁵ и *изменчивости*; Нумен изъят из категорий времени и пространства.

Скажем еще раз, что посессивное отрицание контрарно: с точки зрения житейского опыта, если вещь *непостижима*, она не может быть одновременно *постижима*, а если *неизменчива*, то не может быть также и *переменной* (и, естественно, наоборот).

В апофатическом богословии эта контрарность, безусловно, присутствует, и материал коленопреклонной молитвы служит тому подтверждением.

В то же время можно наблюдать немало случаев, когда контрарность парадоксальным образом отвергается (отнюдь не будучи сводима к феномену известного из философии снятия противоречий). Эта нередкая апофатическая практика, как кажется, не была предметом ни лингвистического, ни логического, ни даже богословского анализа. Поскольку его природа и познавательная ценность не выяснена, мы и поставили его в центр своего внимания.

Проблема ниже рассматривается на историческом фоне.

*

В 451 г. состоялся IV Вселенский¹⁶ (по месту проведения — Халкидонский) церковный собор, и принятое на нем вероучительное определение (его иногда называют Халкидонским символом веры) как раз и характеризуется отказом от контрарности.

Как это характерно для всех вселенских соборов, отцы Халкидонского занимались анализом ересей, на сей раз преимущественно христологических, т. е. относящихся к ипостаси и природе (φύσις) Богочеловека — исторического Иисуса Христа. Собор был созван

---

¹⁵ Лексема *ἀρχή*, вопреки расхожим представлениям, означает не только «начало», но и «конец», т. е. любой предел бытия вещи. Слав. основа *-кон* (присутствующая в лексемах *искони* и *конец*) точно соответствует греч. *ἀρχή*.

¹⁶ На Первом Вселенском соборе (Никея, 325 г.) было отвергнуто арианство; на Втором (Константинополь, 381 г.) — ересь Аполлинария; на Третьем (Эфес, 431 г.) было осуждено несторианство; на Четвертом (Халкидон, 451 г.) — ересь Евтихия; на Пятом (Втором Константинопольском, 553 г.) рассматривалась полемика вокруг т. н. трех глав; на Шестом (Третьем Константинопольском, 680–681 гг.) было осуждено монофелитство; на Седьмом (Втором Никейском, 787 г.) — иконоборчество.

императором Маркианом ради разбора ереси Евтихия, архимандрита одного большого монастыря в Константинополе.

К середине V в. в Церкви накопилось несколько христологических доктрин, из которых наибольшее влияние приобрели четыре (и все они были признаны еретическими). Во-первых, согласно учению Ария (ум. в 336 г.), воплощенный Иисус Христос не имел всей полноты божественной природы; во-вторых, Аполлинарий Лаодикийский (ум. ок. 390 г.), напротив, отрицал его человеческую природу. Оба учения были осуждены на Первом (325 г.) и Втором (381 г.) Вселенских соборах. В-третьих, патриарх Константинополя Несторий (ум. после 451 г.), известный, между прочим, тем, что отрицал именование Девы Марии *Богородицей*, применительно к естеству воплощенного Иисуса Христа учил, что в нем присутствуют две отдельные природы, неспособные к слиянию в одну ипостась и лишь временно вступившие в «неслиянное» (т. е. механическое) сочетание (*συνίφεα*). Несторианство иначе называется диофизитством, и оно было осуждено на III Вселенском соборе, состоявшемся в Эфесе (431 г.). Наконец, в-четвертых, появилась и противоположная точка зрения, которая, по терминологии Халкидонского собора, называется монофизитством. Уже упомянутый Евтихий (ум. в 454 г.) учил, что по воплощении во Христе возобладала лишь одна природа, именно божественная, так что он, следовательно, не имел природы, «единосущной нашей». Этот взгляд ставил под вопрос искупительную миссию Богочеловека и был соответственно отклонен халкидонитами.

Если на Эфесском соборе было отвергнуто диофизитство, то, как представляется, по контрастности следовало бы признать правоту монофизитства. Однако отцы Халкидонского собора, поддержавшие деяния Эфесского собора и не признавшие диофизитства, в то же время отвергли и монофизитство.

Они выпустили широко известное вероучительное определение-орос¹⁷, весьма емкое и насыщенное, направленное против всех четырех ересей. Оно невелико и целиком помещено ниже по-гречески¹⁸. Полная публикация нужна для того, чтобы был сохранен контекст контрастных апофатических терминов, выработанных в Халкидоне.

Имеется перевод определения на русский язык (см. [Деяния III: 48])¹⁹, однако, на наш взгляд, он не лишен неточностей. Мы его пере-

¹⁷ Собственно, термин ὄρος (букв. «граница, ограда») имплицитно устанавливает пределы, в которых допустима богословская спекуляция.

¹⁸ По изданию: [АСО].

¹⁹ «Итак, последуя святым отцам, все согласно поучаем исповедовать одного и того же Сына, Господа нашего Иисуса Христа совершенного в боже-

смотрели, синтаксически перестроили, чтобы добиться пословного соответствия, и, стремясь исключительно к полному постижению высокого богословского смысла, помещаем ниже по полилинейно-спатическому методу²⁰.

Определение композиционно разделяется на три части: на введение (I) и заключение (III), в которых говорится о верности учению свв. отцов, и на догматические определения и разъяснения, которых общим числом десять (II). Следует помнить, что конструкция τὸν αὐτὸν, которую мы передаем как местоимение в винительном падеже *Сего*, указывает на Вторую ипостась Троицы по воплощению — на исторического Иисуса Христа.

I.

Ἐπόμενοι τοῖνυν τοῖς ἁγίοις πατράσιν

Последуя в этом святым отцам,

ἕνα καὶ τὸν αὐτὸν ὁμολογεῖν

единого²¹ и Сего (= того самого²²) исповедовать

стве и совершенного в человечестве, истинно Бога и истинно человека, того же из души разумной и тела, единосущного Отцу по божеству и того же единосущного нам по человечеству, во всем подобного нам кроме греха, рожденного прежде веков от Отца по божеству, а в последние дни ради нас и ради нашего спасения от Марии Девы Богородицы — по человечеству, одного и того же Христа, Сына, Господа едиnorodного, в двух естествах неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно познаваемого, — так что соединением несколько не нарушается различие двух естеств, но тем более сохраняется свойство каждого естества и соединяется в одно Лице и одну Ипостась, — не на два лица распадаемого или разделяемого, но одного и того же Сына и едиnorodного, Бога Слова, Господа Иисуса Христа, как в древности пророки (учили) о Нем, и (как) сам Господь Иисус Христос научил нас, и (как) передал нам символ отцов».

²⁰ Пришлось пойти на стилистические издержки, но следует помнить, что наш перевод может употребляться лишь как вспомогательное средство (только рядом с греческой параллелью), но не самостоятельно. Кроме того, читатель должен принять две конвенции: 1) в переводе сохраняется синтаксис греч. текста; 2) местоимение *Сей* (с прописной буквы) в вин. падеже (т. е. *Сего*) и соответствующее греч. сочетанию местоимения с артиклем (т. е. τὸν αὐτὸν) указывает на Вторую Ипостась Троицы (т. е. на Бога-Слово, Иисуса Христа).

²¹ *Единого* = (числом) одного и (так как невозможно повторение в будущем) единственного.

²² *Того самого* = того, которого исповедали отцы трех предшествовавших вселенских соборов, (а не другого). Усилительная частица *же* («того же самого») здесь факультативна, и она опущена, чтобы рус. текст как можно ближе подходил к греческому. • В имеющемся рус. переводе ἕνα καὶ τὸν αὐτὸν передано устойчивым словосочетанием «одного и того же», дающим соответственно цельную номинацию:

υἰὸν τὸν κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστὸν συμφώνως ἅπαντες ἐκδιδάσκομεν,
Сына, Господа нашего Иисуса Христа, согласно все наставляем²³:

II.

- (1) τέλειον τὸν αὐτὸν²⁴ ἐν θεότητι
совершенного Сего в божестве
καὶ τέλειον τὸν αὐτὸν²³ ἐν ἀνθρωπότητι,
и совершенного Сего в человечестве;
- (2) θεὸν ἀληθῶς καὶ ἄνθρωπον ἀληθῶς
Бога по истине и человека по истине;
- (3) τὸν αὐτὸν²³ ἐκ ψυχῆς λογικῆς καὶ σώματος,
Сего с душой словесной и телом;
- (4) ὁμοούσιον τῷ πατρὶ κατὰ τὴν θεότητα
единосущного Отцу по божеству
καὶ ὁμοούσιον ἡμῖν τὸν αὐτὸν²³ κατὰ τὴν ἀνθρωπότητα,
и единосущного нам Сего по человечеству;
- (5) κατὰ πάντα ὅμοιον ἡμῖν χωρὶς ἁμαρτίας,
по всему подобного нам кроме греха;
- (6) πρὸ αἰώνων μὲν ἐκ τοῦ πατρὸς γεννηθέντα κατὰ τὴν θεότητα,
прежде веков же от Отца рожденного по божеству,

«того же самого». Между тем в греч. оригинале — номинаций две («единого-единственного» и «того самого»), так что союз *καὶ* употреблен в обычной копулятивной функции. Нетрудно заметить, насколько греч. версия насыщеннее богословски по сравнению с традиционным переводом на рус. язык.

²³ *Наставляем* = поучаем во всей полноте, силой авторитета, а также с тем, чтобы учение было усвоено (всеми). *Ἐκδιδάσκω* в общеязыковом употреблении означает «обучать тщательно и обстоятельно» (*teach thoroughly*) и «лепить человека» (*teach one to be so and so*) [LS], а в языке соборов эквивалентом *ἐκδιδάσκομεν* могли бы стать глаголы «определяем» и «устанавливаем», но в них присутствует семантическая доля инновационности, тогда как соборы, по самопониманию, не изобретают нового, а лишь разъясняют то, что имплицитно содержится в Никео-Царьградском символе веры и в деяниях предшествующих соборов. И на IV соборе всячески подчеркивалась верность свв. отцам. • «Исповедовать наставляем» (= «предписываем признавать в качестве вероучения»), и далее следуют пункты, в нашем переводе пронумерованные и отделенные один от другого точкой с запятой.

²⁴ В имеющемся рус. переводе местоимение *τὸν αὐτὸν* опущено и, стало быть, игнорируется, тогда как в греч. оригинале оно повторяется многократно (всего 7 раз), и его дейктическая функция усилена артиклем. Стало быть, смысловая нагруженность местоименной конструкции входила в намерения соборных отцов. Эта конструкция и наше соответствие «Сего», несомненно, всегда указывают на Вторую ипостась Троицы, т. е. на Бога-Слово, Иисуса Христа.

- ἐπ' ἐσχάτων δὲ τῶν ἡμερῶν τὸν αὐτόν²³ δι' ἡμᾶς καὶ διὰ τὴν ἡμετέραν σωτηρίαν
 на последние же дни Сего ради нас и ради нашего спасения
 ἐκ Μαρίας τῆς παρθένου τῆς θεοτόκου κατὰ τὴν ἀνθρωπότητα,
 от Марии Девы Богородицы — по человечеству;
- (7) ἓνα καὶ τὸν αὐτόν²³ Χριστὸν υἱὸν κύριον μονογενῆ,
 единого и того же Христа, Сына, Господа едиnorodного;
- (8) ἐν δύο φύσεσιν ἀσυγχύτως ἀτρέπτως ἀδιαιρέτως ἀχωρίστως γινωριζόμενον,
 в двух естествах неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно
 познаваемого²⁵, —
- (9) οὐδαμοῦ τῆς τῶν φύσεων διαφορᾶς ἀνηρημένης διὰ τὴν ἕνωσιν,
 так что различных естеств соединением нисколько не нарушается,
 σωζομένης δὲ μᾶλλον τῆς ιδιότητος ἐκατέρας φύσεως
 но тем более сохраняется свойство каждого естества
 καὶ εἰς ἓν πρόσωπον καὶ μίαν ὑπόστασιν συντρεχούσης,
 и соединяется в одно Лице и одну Ипостась, —
- (10) οὐκ εἰς δύο πρόσωπα μεριζόμενον ἢ διαιρούμενον,
 не на два лица рассекаемого или разделяемого,
 ἀλλ' ἓνα καὶ τὸν αὐτόν²³ υἱὸν μονογενῆ θεὸν λόγον κύριον Ἰησοῦν Χριστόν,
 но единого и Сего Сына едиnorodного, Бога Слова, Господа Иисуса
 Христа,

III.

καθάπερ ἄνωθεν οἱ προφῆται περὶ αὐτοῦ
 как в древности пророки (учили) о Сем,
 καὶ αὐτὸς ἡμᾶς Ἰησοῦς Χριστὸς ἐξεπαίδευσεν
 и (как) сам Господь Иисус Христос научил нас,
 καὶ τὸ τῶν πατέρων ἡμῶν παραδέδωκε σύμβολον.
 и (как) передал нам символ отцов.

Предикации (1–6) направлены против Ария и Аполлинария и состоят из догмата о присутствии двух природ у единого субъекта, и это единство (ипостаси), несмотря на двойственность природ, подчеркивается неоднократно (именно: трехразовым) употреблением оборота ἓνα καὶ τὸν αὐτόν. Строка (7) новой богословской предикации не содержит и представляет собой мост-связку для перехода к ересям Нестория и Евтихия. Предикации (8–10) направлены против них, причем novum Халкидонского собора сосредоточен в 8-й предикации, содержащей

²⁵ Ради точности приведем и лат. эквиваленты греч. терминологии: *inconfuse, immutabiliter, indivise et inseparabiliter.*

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

<i>Н. Д. Арутюнова</i> . Коммуникативная реакция на истинностное значение высказывания <i>Другого</i>	5
---	---

АССЕРЦИЯ И НЕГАЦИЯ:

ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКИЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

<i>Е. М. Верещагин</i> . Апофатическое богословие sub speciae glottologiae.....	11
<i>Е. Г. Драгалина-Черная</i> . Онтология отрицания: присутствие отсутствия vs. отсутствие присутствия	25
<i>М. В. Малинович, Ю. М. Малинович</i> (Иркутск). Ассерция. Негация. Причинность: взаимодействие категорий	34
<i>Е. В. Москалева</i> (Мичуринск). Психолингвистический анализ выражения отрицания аффиксами в английских и русских неологизмах	44
<i>В. И. Постовалова</i> . «Блаженны нищие духом»: концепт смирения в православном мирозерцании	53
<i>И. Ф. Рагозина</i> (Дубна). Отрицание и опровержение	75
<i>Т. Б. Радбиль</i> (Нижний Новгород). «Онтологизация негации» как аномалия языковой картины	89
<i>Н. К. Рябцева</i> . Отрицание — запрет — оправдание: от структуры дискурса к «алгебре совести» (по В. А. Лефевру)	103
<i>Е. Б. Яковенко</i> . «Прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня...» (семантика отрицания и речения в Библии).....	120

ОТРИЦАНИЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

<i>В. Б. Борцев, Е. В. Падучева, Б. Х. Парти, Я. Г. Тестелец, И. С. Янович</i> . Синтаксическое, семантическое и прагматическое отрицание в русском языке	129
<i>Н. В. Гатинская</i> . История одного показателя ассерции в русском языке: <i>конечно</i>	144
<i>В. А. Матвеев</i> . Отрицательные приставки в переводном древнерусском памятнике	162
<i>А. Д. Шмелев</i> . «Незначашее» и «невыраженное» отрицание (когнитивные и коммуникативные источники энантиосемии)	173

СПЕЦИФИКА ОТРИЦАНИЯ В РАЗНЫХ ВИДАХ ДИСКУРСА

<i>И. Кор-Шаин, Е. В. Рахилина.</i> Чего не хватает глаголу <i>хватать</i> ?	203
<i>Н. Г. Мед</i> (Санкт-Петербург). Экспрессивное отрицание в диалоге (на материале испанской и португальской разговорной речи)	214
<i>Е. Я. Шмелева.</i> Ассерция и негация в русском анекдоте	221

СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОТРИЦАНИЯ

<i>Н. Б. Мечковская</i> (Минск). Отказ: что определяет диктум и модус в отрицательных реакциях на побуждение?	230
<i>С. Ю. Семенова.</i> Об отрицании в контексте счастья и печали	245
<i>В. М. Груб</i> (Киев). Отрицание как негативная оценка истинности	255

АССЕРЦИЯ И НЕГАЦИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

<i>Н. М. Азарова.</i> Грамматика отрицания и авангард	271
<i>А. В. Белова.</i> Утверждение и отрицание как средства создания образности в поэтике Н. Гумилева	285
<i>М. В. Гаврилова.</i> Никто, Ничто и Кто Угодно: «апофатика» Ю. Буйды	297
<i>А. Г. Грек.</i> Отрицание как элемент «утвердительной» поэтики: Вяч. Иванов и Б. Пастернак	305

ПАРАДОКСАЛЬНАЯ НЕГАЦИЯ

<i>Г. И. Берестнев</i> (Калининград). И да, и нет: стратегия парадокса	330
<i>М. В. Ляпон.</i> Парадоксальная логика скрытого отрицания	342
<i>А. В. Суховерхов.</i> Утверждения, в которых опровергается то, что утверждается	357
<i>Е. А. Яшина</i> (Мичуринск). О роли отрицания в парадоксе	365

ДА И НЕТ: ПОДТВЕРЖДЕНИЕ — ОТРИЦАНИЕ

<i>Е. В. Вельмезова</i> (Москва–Лозанна). Да и нет: частицы или междометия? Из истории академических грамматик прошлого века	378
<i>М. А. Дмитровская</i> (Калининград). DA + NET = DEATH («черно с белым не берите, „да“ и „нет“ не говорите»: обратный мат у В. Набокова)	388
<i>Д. О. Добровольский, И. Б. Левонтина.</i> 500 способов сказать «нет» (русско-немецкие соответствия)	400
<i>А. Э. Левицкий</i> (Киев). Между <i>нет</i> и <i>да</i> : проблемы когнициии и коммуникации	411

ОТРИЦАНИЕ В РЯДУ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ

<i>Т. Б. Агранат.</i> О связи отрицания с аспектом, залогом и семантическими ролями в прибалтийско-финских языках	424
--	-----

<i>Е. Л. Григорьян</i> (Ростов-на-Дону). Отрицание, семантическая структура глагола и актанты.....	436
<i>Е. М. Лазуткина</i> . Отрицание в глагольном предложении: при глаголе, в глаголе и во фразеологизированных конструкциях.....	443

НЕГАЦИЯ И АССЕРЦИЯ В «ЭКЗОТИЧЕСКИХ ЯЗЫКАХ»

<i>К. В. Антонян</i> . Семантика невозможности в китайском языке (формы потенциального наклонения).....	457
<i>О. А. Казакевич</i> . Отрицание в языках Среднего Енисея (кетском, селькупском, эвенкийском).....	467
<i>Т. А. Майсак</i> . Синтаксис и семантика в распределении показателей отрицания (на материале удинского языка).....	480
<i>Л. Н. Морев</i> . Отрицание в тайских языках в типологическом аспекте.....	496
<i>Ф. И. Рожанский</i> . Отрицательные формы как свидетельство формирования нового морфологического механизма в водском языке.....	506
<i>Н. В. Солнцева</i> . Особенности отрицания в языках Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (на примере китайского языка).....	521

ПОЙМИ НЕПОНИМАНИЕ

<i>Н. Г. Брагина</i> . «Отраженная» семантика отрицательных имен: концептуальное слово <i>непонимание</i>	529
<i>Анна А. Зализняк</i> . О семантике непонимания.....	544

Научное издание

ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА
АССЕРЦИЯ И НЕГАЦИЯ

Издательство «Индрик»

Корректор *Т. И. Томашевская*
Оригинал-макет *Л. Е. Коритысская*

This book as well as other **INDRIK** publications
may be ordered by
e-mail: nina_dom@mtu-net.ru
or by tel./fax: **+7 495 959-21-03**

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5

Формат 60×90^{1/16}. Печать офсетная.
35,0 п. л. Тираж 800 экз. Заказ №

Отпечатано с оригинал-макета
в ППП «Типография „Наука“».
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., д. 6